

Валерий Полосин

Невербальная информация в арабских рукописях

Очерки средневековой книжной культуры

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Валерий Вячеславович Полосин

Невербальная информация в арабских рукописях

Очерки средневековой книжной культуры

Учебно-методическое пособие

Санкт-Петербург
Президентская библиотека
2016

УДК 94(075.8)
ББК 76.103(533)я73
П52

*Печатается в рамках реализации
Федеральной целевой программы по подготовке специалистов
с углубленным знанием истории и культуры ислама*

*Рекомендовано
учебно-методической комиссией
восточного факультета СПбГУ*

Рецензент:

С. М. Якерсон, доктор исторических наук, профессор

Полосин Валерий Вячеславович

П52 Невербальная информация в арабских рукописях : очерки средневековой книжной культуры : учеб.-метод. пособие / Вал. В. Полосин ; С.-Петерб. гос. ун-т ; Ин-т вост. рукописей РАН ; отв. ред. С. М. Якерсон. – СПб. : Президентская библиотека, 2016. – 296 с.

ISBN 978-5-905273-95-7

Данное издание является первой попыткой создать учебно-методическое пособие, сфокусированное на анализе источников невербальной информации арабских рукописей. На примере анализа фронтисписов, унванных заставок и переплетов с привлечением дополнительных источников на персидском и турецком языке автор убедительно показывает, что невербальные элементы рукописной книги играют важнейшую роль в понимании эстетики мусульманского рукописного наследия.

Пособие предназначено для студентов старших курсов, специализирующихся на углубленном изучении источниковедческой базы классического ислама и изучающих арабский язык как основной восточный, а турецкий или персидский как второй восточный язык, а также для всех интересующихся арабграфичной рукописной книгой и мусульманским книжным искусством в целом.

УДК 94(075.8)
ББК 76.103(533)я73

ISBN 978-5-905273-95-7

- © Полосин Вал. В., 2016
- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2016
- © Институт восточных рукописей РАН, 2016
- © Президентская библиотека, 2016

Оглавление

От редактора	5
Введение	10
Глава 1. Фронтисписы (первые страницы рукописей)	17
1. Понятие «рамка» и отношения кратности внутри нее ...	17
2. Лист из Корана Синан-паши	30
3. «Арабский Апостол» (фронтиспис с десятилистником)	37
4. Фронтиспис-шамсе	47
5. «Все есть число»?	55
Глава 2. Унванные заставки в арабских рукописях	65
1. Термин и его содержание	65
2. Унванная заставка в рукописи А 133	80
3. Унванная заставка в рукописи С 735	95
Глава 3. Переплеты на арабских рукописях.....	105
1. Центральный медальон в восьмиугольной рамке	106
2. Центральный медальон со спутниками	115
3. К происхождению фигуры «центральный медальон со спутниками»	129
4. Переplet рукописи «Сто прекрасных имен Аллаха» (Dorn 56)	137
5. Переплеты с парным бордюром «ал-халидийани»	147
Глава 4. Художественная организация текста на странице.....	156
1. Страница со стихами в турецкой рукописи	157
2. Суставчатые (коленчатые) стихи	165
3. «Клетки Арберри»	177

Глава 5. Плотность текста и ее конвертируемость в копиях сочинения	211
1. Ошибка переписчика	211
2. Плотность текста и мистара	222
3. Арабское средневековое сочинение-кроссворд.....	225
4. Плотность текста и анализ лакун в копиях средневековых сочинений	241
<i>Библиография</i>	273
<i>Перечень иллюстраций</i>	287
<i>Перечень таблиц</i>	295

От редактора

Автор этой монографии, выдающийся петербургский арабист Валерий Вячеславович Полосин (1939–2014), увы, по понятным причинам не сможет поддержать свою книгу в руках и порадоваться тому, что она с этого момента начинает самостоятельный путь к читателю.

Выпускник отделения истории арабских стран восточного факультета Ленинградского государственного университета, Валерий Вячеславович Полосин практически всю свою профессиональную жизнь проработал с арабской книгой, сначала в филиале Библиотеки Академии наук при Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР (ЛО ИВ АН СССР), а потом и в самом этом учреждении¹. В период с 1976 по 1984 г. он был директором Библиотеки, а с 2001 по 2008 г. – заведующим институтским отделом Ближнего Востока².

Но, безусловно, не административная, а научная деятельность была смыслом жизни Валерия Вячеславовича. Его первым крупным исследованием стала знаменитая библиография арабской книги «Фихрист» («Указатель») Ибн ан-Надима. Этому памятнику X в. была посвящена кандидатская диссертация «„Фихрист“ Ибн ан-Надима как историко-культурный памятник X века», защищенная в Институте в 1984 г. и опубликованная как монография

¹ С 2007 г. – Институт восточных рукописей РАН (ИВР РАН).

² О Валерии Вячеславовиче Полосине см. на сайте ИВР РАН (http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=268), см. также некролог: Валерий Вячеславович Полосин (25.02.1939–14.11.2014) // Письменные памятники Востока. 2015. № 1(22). М.: Наука, 2015. С. 221–223.

в 1989 г.¹ От анализа «Фихриста», который, по сути, является первой энциклопедией арабской книжности, Валерий Вячеславович постепенно перешел к анализу общих книговедческих проблем арабоязычной рукописной традиции. Он остался верен развитию этого направления (которое сам он называл дескриптивной археологией) буквально до последнего вздоха. Его интересовали общие законы оформления памятников арабографичной письменности, и он видел свою задачу в «переключении археографического интереса с текста, представленного конкретным списком, на рукопись как таковую, т. е. в принципиальном обновлении объекта описания в каталогах арабских рукописей»².

«Путь», или «дорога» – это тот образ, который выбрал сам автор для описания своего многолетнего труда по разработке нового метода изучения арабских рукописей. Вот как он пишет об этом: «О том, что автор не предполагал поначалу бесконечности дороги, на которую он попал, говорит название первой же публикации по вновь открытой тематике. „К описанию арабских иллюминированных рукописей“ – так называлась первая статья, которая могла бы остаться и единственной. Название предполагало, в сущности, просто внесение поправки в направленность исследований, которые вели другие специалисты. Нечто вроде „советов постороннего“. Но постепенно кругозор расширялся, а линия горизонта все отступала и отступала. На дороге же появлялись все новые и все более разнообразные объекты для расчетов и систематизации. Эта дорога и сегодня по-прежнему открыта до самого горизонта. Но для идущего по ней уже потребовался первый привал. Эта книга – путеводитель по пройденной части пути к месту, на котором можно передохнуть и, возможно, дожждаться попутчиков» (с. 16 наст. издания).

¹ Полосин Вал. В. «Фихрист» Ибн ан-Надима как историко-культурный памятник X века / отв. ред. А. Б. Халидов. М.: Наука, 1989.

² Полосин Вал. В. Новое в изучении арабских иллюминированных рукописей // Петербургское востоковедение. Вып. 3. СПб., 1993. С. 153.

«Попутчиков» Валерий Вячеславович, насколько я могу судить, не дождался, продолжить же этот путь самостоятельно читателю будет непросто, т. к. перед нами «пионерское» в полном смысле этого слова исследование эстетических критериев оценки арабской рукописной книги. Здесь все ново, оригинально и, если угодно, неожиданно. Валерий Вячеславович Полосин не просто «поверяет алгеброй гармонию», но и абсолютно убедительно доказывает нам, что именно «алгебра» (точнее, конечно, геометрия) и лежит в основе книжной гармонии. Казалось бы, перед нами очевидный факт: основной (визуальной) работе иллюминатора рукописи и профессионального писца предшествует подготовительный период разметки и разлиновки материала. То есть материал (пергамен или бумага) сначала расчерчивается определенным образом, и лишь потом на него наносится текст или рисунок. Однако совершенно не очевидным является тот факт, что соблюдение конкретных, достаточно жестких неписанных (в смысле, не прописанных в дошедших до нас руководствах по арабской каллиграфии или декору) правил пропорций и является основой эстетической оценки выполненного труда. Именно это и показывает нам исследование Полосина. Автор в процессе кропотливейшего труда сумел подобрать ключ к пониманию эстетики рукописной арабографичной книги! И если говорить шире – к основной культурной составляющей арабографичной мусульманской цивилизации в целом, потому что ее основанием и является КНИГА.

«Невербальная информация в арабских рукописях» – исключительный труд, в котором видна не только колоссальная профессиональная эрудиция автора, но и удивительная тщательность (каждая схема соотношений размеров разбирается на конкретных примерах, которые сопровождаются наглядными схемами и иллюстрациями), специфическая дотошность книжника и пытливость первопроходца...

Я знал Валерия Вячеславовича более 35 лет, работал под его руководством сначала в библиотеке, а потом в отделе Ближнего

Востока, видел его в разных ситуациях: рабочих, официальных и совершенно неформальных. Всегда за ним наблюдал и всегда им любовался. Но, работая над посильной редактурой этого монументального труда, я чаще всего вспоминал его в читальном зале отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Он входил в зал всегда своей быстрой легкой походкой, получал у дежурного библиотекаря заказанные заранее рукописи, находил свободное место, и казалось, сейчас он так же быстро что-то посмотрит в рукописи и убежит... Но у стола он сразу превращался в другого человека, которого отличали тщательность, предельная концентрация внимания и явное удовольствие от самого процесса многочасовой монотонной и «нудной» работы с циркулем, линейкой, увеличительным стеклом и карандашами. Даже и не знаю, с кем можно было сравнить его образ за этой работой? Какой-то прямо земский врач арабских манускриптов, что ли? Мне всегда представлялось, что рутинные обмеры (верхние и нижние поля, текстовое поле, 10 строк текста и т. д.) являются самой скучной частью кодикологического описания рукописи. Эта работа казалась неважной, и все время хотелось ее поскорее завершить и перейти к чему-либо «сущностному»... Валерий Вячеславович Полосин именно эту «кодикологическую рутину» поставил во главу угла своего исследования и именно на ее основе сумел построить свой выдающийся труд. Как сказано в Библии, «камень, которым пренебрегли строители, стал во главу угла» (Псалтырь, 118:22).

Несколько слов о редакции этой книги

Я не являюсь специалистом по арабской рукописной книге. Однако многолетнее профессиональное общение с Валерием Вячеславовичем, чтение его работ и специализация в смежной дисциплине (еврейские рукописи) позволили мне в свое время написать внутреннюю рецензию на эту книгу, необходимую для ее обсуждения в Отделе рукописей и дальнейшего утверждения

в печать на ученом совете института. В следующий раз я увидел этот текст лишь через несколько лет, уже в отсутствие его автора. Рукопись к этому времени была почти завершена, и в ней ощущалась тщательная работа автора над текстом. Тем не менее некоторые аспекты, по мнению автора, еще требовали уточнения или незначительного расширения. На них, собственно, и была сосредоточена моя работа: я постарался уточнить отдельные библиографические ссылки, сверить еще раз с оригиналами тот иллюстративный материал, который вызывал у него сомнения, слегка подкорректировать текст и, к сожалению, устранить замаркированные красным цветом пометки типа «расширить», «добавить примеров» и т. д. – это мог сделать только сам автор... Должен отметить, что в отдельных случаях, к сожалению, вопросы снять не удалось. Но, повторяю, работа уже была практически готова к сдаче в печать.

И вот долгожданная книга вышла в свет. У меня нет сомнения в том, что благодаря этому Валерий Вячеславович Полосин со временем приобретет последователей, которые вслед за ним пойдут по проторенному им нелегкому пути. А дальше, как говорится, *viam supervadet vadens* (дорогу осилит идущий).

С. М. Якерсон

Введение

В культурном наследии всех арабских народов рукописные книги занимают особое место – они красноречивее других памятников прошлого. Число их неслыханно велико. По самым осторожным оценкам, их не менее 600 тысяч, но называют и полтора миллиона, и даже три, включая, возможно, в одну группу все арабографичные манускрипты. Выявление их, учет, каталогизация, исследование и издание важнейших из них все еще не закончены и продолжаются во многих странах мира.

Рукописи стали основным объектом европейской арабистики XVI–XVIII вв. по необходимости. Тогда и старая, и актуальная литература на арабском языке оставалась целиком рукописной, поскольку арабского книгопечатания еще не было и лишь к середине XIX в. оно достигло значимых масштабов. Понятно, что пионеры европейской арабистики от В. Постеля (1510–1581) и Я. Голиуса (1596–1667) до И. Рейске (1716–1774) и А. Сильвестра де Саси (1758–1838) были искателями, собирателями и исследователями рукописей либо же сосредоточивали свое внимание на уже накопленных в Европе арабских рукописях¹.

Вплоть до начала XX в. длился этот период интенсивного введения в науку важнейших памятников арабской письменности. И главными деятелями этого «золотого века» арабистики были известные и сегодня филологи-эрудиты, издавшие по рукописям главные арабские исторические хроники, биографические и биобиблиографические словари, диваны поэтов и т. д.

Между тем время ученых этого типа к концу XIX в. уже заканчивалось. Основные источники общерабистического зна-

¹ Халидов, 1985. С. 7.

чения были к этому времени опубликованы. Некоторые важные и объемные источники, как, например, «Китаб ал-агани», «Субх ал-а'ша» и «Йатимат ад-дахр» и некоторые другие, были изданы на Востоке.

Репертуар фундаментальных первоисточников исчерпывался, и потребовалось перераспределение сил в пользу исследования уже опубликованного материала историками, литературоведами, лингвистами.

Запрос на широкую текстологическую работу в арабистике иссякал по естественным причинам. Но добавились и внешние: сначала Первая мировая война и послевоенная разруха в Европе, а также изменение политической карты на Востоке в результате развала Османской империи. Появились полунезависимые арабские государства, проявившие интерес к своему письменному наследию в виде средневековых рукописей. Потом Вторая мировая война и новые, послевоенные перемены на арабском Востоке. Независимые арабские государства в 1950 г. создали общеарабский Институт рукописей как инструмент для реализации широкой программы по изданию памятников арабской средневековой письменности. В настоящее время инициатива по изданию текстов практически целиком перешла к арабским странам, где к рукописным памятникам относятся как к национальному достоянию и издают тексты сочинений в расчете на национальную интеллигенцию¹.

А в европейской арабистике в течение первой половины XX в. роль «рукописников» (текстологов) сократилась до минимума. Издание текстов из ведущего направления, тянущего за собой все подразделения арабистики, превратилось в спорадические происшествия, которые вызываются отныне какими-нибудь индивидуальными обстоятельствами или интересами. Поле деятельности, оставшееся в этой области за современными европейскими исследователями, охарактеризовано в какой-то мере

¹ См. также: [Грязневич, 1977. С. 15–16].

В. Маделунгом¹. Он полагает, что европейским арабистам остается довольствоваться восточными изданиями текстов, проверяя при случае их качество по рукописям, имеющимся в европейских библиотеках. Соответственно, навыки работы с рукописями, которые некогда были обязательными при подготовке арабистов, стали постепенно выветриваться, не закрепляясь практическим их применением в работе. К сожалению, огромный опыт текстоведов «золотого века» оказался не зафиксированным письменно. Он всегда передавался изустно от учителя к ученику и при сужении поля применения постепенно утрачивался. Современные же исследователи арабского прошлого читают и изучают средневековые тексты, как правило, по их полиграфическим или электронным версиям, хотя, конечно, при необходимости обращаются и к рукописным оригиналам.

Оглядываясь из сегодняшнего дня назад, можно заметить, что как раз тогда, когда в Европе резко сократилось обращение к рукописям, – а это заметно не только по редкому *изданию* текстов, но еще и по исчезновению в книгах и статьях ссылок на *неизданные* рукописи, – вскоре стали появляться сообщения о временных выставках различной тематики, на которых экспонировались, в частности, и арабские рукописи. Число выставок множилось, их тематика менялась, обновлялся и состав рукописей на них. Появились печатные каталоги таких выставок; сначала они представляли собой списки экспонатов (без иллюстраций), а затем добавились иллюстрации². В 70–80-х гг. XX в. выставочная деятельность приобрела уже столь широкий размах, что арабские рукописи, иногда вместе с персидскими и турецкими, демонстрировали уже не только в библиотеках и музеях,

¹ Madelung, 1992. P. 1–6. Примером, поясняющим точку зрения Маделунга, может быть статья: [Raven, 1989. P. 133–137].

² Например, 23 выставки в 1893–1990 гг. были организованы Национальной библиотекой Австрии; см. библиографический список соответствующих каталогов: [Duda, 1992. S. 307–308].

где они хранились, но и перевозили из города в город и даже из страны в страну. На выставках стали экспонировать рукописи, предоставленные одним или несколькими учреждениями той или иной страны или даже нескольких стран. В каталоги таких выставок теперь включаются некоторые элементы научного описания как самих рукописей, так и отдельных страниц, избранных для показа зрителям. Иллюстрации в выставочных каталогах, как правило высокого качества и цветные, нередко приобретают значение первой научной публикации того или иного артефакта.

Все эти выставки объединяет одна общая черта – на них выставлялись и выставляются рукописи, имеющие художественную ценность. Эта сторона дела практически не интересовала академических и университетских «рукописников» предыдущей эпохи. Поэтому специалистами по рукописям Нового времени оказываются уже арабисты с иной, чем у их предшественников, специализацией. Место знатоков рукописей и рукописного дела заняли арабисты-искусствоведы, а затем и книговеды (или кодикологи).

Выставочная деятельность, о которой мы упомянули выше, протекает, разумеется, за рамками классической научной арабистики. Она начиналась в недрах учреждений, хранивших, а не изучавших арабские рукописи. Их интерес был прежде всего хозяйственным, и когда арабисты перестали широко пользоваться рукописями, пришлось поднимать престиж и рукописей, и самих учреждений. Теперь уже можно смело сказать, что за несколько десятилетий малоэффективной, как казалось, деятельности некоторые из таких организаций сумели «раскрутить» выставочное дело до уровня достаточно доходного бизнеса. Сейчас этот бизнес и поддерживает, в основном в форме выставок и выставочных каталогов, изучение иллюминированных рукописей и публикацию фрагментов из них.

Хранители рукописей были первыми, кто еще в начале прошлого века отбирал рукописи для выставок и готовил аннотации для каталогов. В их среде и зародилась – но значительно позже,

уже в 60–70-е гг. XX в. – арабистическая кодикология¹. Ее рождение означает уже третью ипостась арабиста-«рукописника».

Собственно, родилась арабистическая кодикология в 2000 г. – с выходом в свет первого ее «устава», «Руководства по кодикологии рукописей арабского письма»².

В «Руководстве» стандартный для кодикологии состав глав. Большим достоинством этой книги является фиксация проблем, которые остаются еще не решенными или недостаточно освещенными на сегодняшний день. В целом она является хорошим пособием не только для кодикологов, но и для не специализирующихся на изучении рукописей арабистов, которым приходится обращаться к рукописям, не имея достаточного опыта работы с ними.

Все три ипостаси классической арабистики отражают реальный процесс освоения европейской (а с XX в. – и мировой) наукой гигантского источниковедческого комплекса, воплощенного в письменных памятниках на арабском языке. Они не противоречат друг другу, а только показывают, что в каждое время наука берет на себя только те задачи, которые она видит и в состоянии решать.

Наконец, в заключение я хочу сказать, что в последние годы появился еще один аспект изучения арабских рукописей. Он имеет

¹ «Большая» арабистика до сих пор не признает кодикологию, храня верность корифеям XIX в. П. Ф. Кеннеди сообщает, что до нашего времени дошло более 80 *тахмисов* «Поэмы о плаще» ал-Бусири и что в одной из библиотек собрано сразу 69 из них (см.: [Kennedy, 2000]). Энциклопедическая статья Кеннеди о *тахмисах*, между прочим, совершенно не касается форм воплощения *тахмисов* в рукописные книги, что является пережитком былого пренебрежения к подобным сюжетам, тянущегося в сегодняшний день из XIX в. Судя по списку литературы в его статье, исследований *тахмиса* до сих пор нет, так что один-два абзаца на тему «*тахмис* в арабском книжно-рукописном искусстве» его статье совсем бы не повредили.

² [Manuel de codicologie..., 2000]. Теперь к первому, французскому, изданию этого «Руководства» прибавились его англоязычная и арабоязычная версии.

чисто источниковедческий характер, потому что рукопись в этом случае предстает как первоисточник внетекстовой, невербальной информации о каком-то эстетическом принципе, который до сих пор был совершенно неизвестен. Своей невербальностью (она будет раскрыта в предлагаемой книге) он как бы отрешает арабскую рукопись от ее традиционно понимаемой функции носителя вербальной информации.

Возможно, что новой своей ипостасью она окажется полезной для решения проблемы, о которой откровенно высказался некогда М. Б. Пиотровский: «Ничто не показывает так ярко специфику мусульманского искусства, как сравнение его с доисламским наследием Сирии, Египта, Ирана. При явной зависимости от источника *через довольно короткий срок появился совершенно особый художественный язык. Загадкой кажется то, откуда он взялся.* Мусульманское завоевание принесло широкому миру *особое культурное наследие арабов, но его явно было недостаточно для коренных изменений и того многообразного синтеза, который произошел* (курсив мой. – В. П.). Единственным ответом на эту загадку является пока лишь признание роли духа и миропонимания религии ислама, которая агрессивно и стремительно (как и в других областях жизни) создала для себя эстетическую форму выражения и убеждения. {...} Однако из этих элементов создаются памятники, имеющие особую идеологическую программу, – проповедь триумфа ислама, его связи с древней религиозной традицией, абстрактность понятия о Боге и образы райских садов. И через эту программу складываются и стиль, и художественный язык, в которых роскошь и пышность сочетаются с суровым аскетизмом иконоборчества»¹.

¹ Пиотровский, 2000. С. 10, 13. Эти слова Михаил Борисович написал в предисловии к каталогу огромной международной выставки мусульманского искусства, которая проходила в Амстердаме и Петербурге несколько лет назад. На этой выставке наряду с памятниками материальной культуры экспонировались и арабские рукописи.

Структура книги отражает реальную последовательность авторского вхождения в тему, регистрируя переходы исследования от одного объекта к другому. За ее пределами остался только один этап – обстоятельства появления гипотезы о пропорциях и годы проверки этой гипотезы.

О том, что автор не предполагал поначалу бесконечности дороги, на которую он попал, говорит название первой же публикации по вновь открытой тематике. «К описанию арабских иллюминированных рукописей» – так называлась первая статья, она могла бы остаться и единственной. Название предполагало, в сущности, просто внесение поправки в направленность исследований, которые вели другие специалисты. Нечто вроде «советов постороннего». Но постепенно кругозор расширялся, а линия горизонта все отступала и отступала. На дороге же появлялись все новые и все более разнообразные объекты для расчетов и систематизации. Эта дорога и сегодня по-прежнему открыта до самого горизонта. Но для идущего по ней уже потребовался первый привал. Эта книга – путеводитель по пройденной части пути к месту, где можно передохнуть и, возможно, дожждаться попутчиков.

Эту книгу нельзя было запланировать. И не только планировать – даже просто угадать наперед ее тему, исследование которой привело бы к написанию этой книги, было нельзя. Для всего этого не было ни малейших оснований или даже предпосылок в арабистике. Поэтому и саму тему нужно было *открывать*, задаваясь то одним, то другим частным вопросом, руководствуясь детским любопытством и жадой знания. Так, шаг за шагом, и открывалась на самом деле средневековая книжно-рукописная технология арабов, не рассказанная ими в письменных источниках. И только проделав такие шаги, то есть уже написав эту книгу, я смог назвать и ее тему: невербальная информация арабских рукописей.

Учебное издание

Валерий Вячеславович Полосин

Невербальная информация в арабских рукописях

**Очерки средневековой
книжной культуры**

Учебно-методическое пособие

Разработка и дизайн обложки: *Ю. В. Гребнева*

Редактор: *Н. М. Казимирчик*

Корректор: *А. Н. Воробьева*

Техническое редактирование

и компьютерная верстка: *Н. П. Дмитриева*

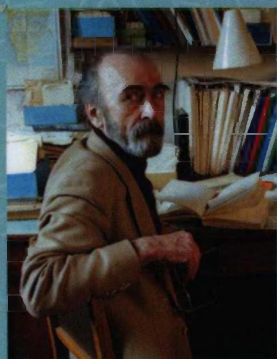
Подписано в печать 05.12.2016. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,5.
Зак. № 201. Тираж 200 экз.

Издание подготовлено и отпечатано
в ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина».
190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., 3

www.prlib.ru

Валерий Вячеславович Полосин (1939–2014) – выпускник отделения истории арабских стран восточного факультета Ленинградского государственного университета, кандидат исторических наук, заведующий отделом Ближнего Востока (2001–2008) Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН (с 2007 г. – Институт восточных рукописей РАН), выдающийся специалист в области изучения арабского рукописного наследия.

В книге предлагается совершенно новый подход к изучению эстетики арабских рукописей, опирающийся на анализ невер-

бальных источников книговедческой информации (фронтисписов, унванных заставок, переплетов и т. д.).

Исследование В. В. Полосина открывает дополнительные возможности для понимания книги как уникального явления культуры.

